

ЭВЕНКИ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО 1920–1980-х ГОДОВ: СОВЕТСКАЯ БИОГРАФИЯ НАРОДА

В.Л. Кляус

Владимир Леонидович Кляус | <https://orcid.org/0000-0002-8147-3090> | v.klyaus@mail.ru | д. филол. н., профессор Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125993, Россия) | заведующий отделом фольклора | Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ул. Поварская 25а, Москва, 121069, Россия)

Ключевые слова

эвенки, документальный фильм, биография народа, киноантропология, трансформация традиционного образа жизни

Аннотация

В статье рассматриваются документальные фильмы об эвенках, созданные в 1920–1980-х годах: “Тунгусы” “Эвенкийский автономный округ”, “Эвенкийская весна”, “Юктэ – источник” и др. Киноленты в полной мере отражают биографию эвенкийского народа и входящие в его жизнь с первых лет установления советской власти изменения в хозяйственно-экономической, социальной и культурной сферах. Документальные кинофильмы дают возможность проследить этапность этих изменений и эволюцию отношения к ним в обществе. Кроме того, в статье содержатся выводы автора относительно характера социально-экономического положения эвенков в тех районах, где он вел полевую работу в 1994–2021 гг.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00495]

Документальное кино является важным источником для социокультурных и этнологических исследований. Анализ визуальных образов позволяет воссоздать специфику жизни и культурное пространство народов России в конкретные временные периоды, а в исторической перспективе – “биографию” той или иной этнической группы. Источниковедческая ценность документальных лент была подробнейшим образом раскрыта в трудах профессора В.М. Магидова, прежде всего в его монографическом исследовании “Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания” (Магидов 2005).

В настоящей статье будет представлен анализ снятых в советский период – в 1920–1980-х годах – документальных фильмов об эвенках. Советская документалистика развивалась в специфических идеологических условиях, и представляется интересным то, как она показывала реалии жизни эвенков, специфику трансформационных процессов их бытия и традиционного хозяйства, имевших место в XX в.

Статья поступила 17.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 05.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Кляус В.Л. Эвенки в документальном кино 1920–1980-х годов: советская биография народа // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 99–110. <https://doi.org/10.31857/S086954152305007X> EDN: YECGUS

Klyaus, V.L. 2023. Evenki v dokumental'nom kino 1920–1980-kh godov: sovetskaia biografiia naroda [Evenks in Documentary Films of the 1920s–1980s: Soviet Biography of a Nation]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 99–110. <https://doi.org/10.31857/S086954152305007X> EDN: YECGUS

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <https://eo.iea.ras.ru>
© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

С тунгусами (так называли эвенков в России до 1930-х годов) русские первопроходцы встретились в Сибири в XVII столетии, и к настоящему времени накоплен значительный материал по духовной и материальной культуре этого народа. Рисуночные изображения тунгусов нам известны уже по гравюрам XVIII в., первые фотографии их “типов” были сделаны на рубеже XIX–XX вв., а первая документальная киносъемка – в феврале 1926 г., что произошло во многом благодаря выдающемуся советскому документалисту Дзиге Вертову.

“Тунгусы”

Как известно, фильм Вертова “Шестая часть мира” создавался по заказу внешнеторгового предприятия “Госторг”. Фактически перед автором была поставлена задача подготовить рекламную кинокартину, которая продемонстрировала бы странам Запада экспортные возможности СССР. Но документальная лента по масштабу превзошла первоначальную концепцию: показан Советский Союз как новый мир с его уникальными возможностями для нового советского человека, включенного в строительство социалистического общества вне зависимости от этнической принадлежности, образа жизни, культуры.

Для воплощения своего замысла Вертов организовал несколько киноэкспедиций в разные уголки страны, к разным народам, в том числе и к тунгусам. К ним в “Восточно-Сибирскую тайгу” отправился Петр Зотов. Отдельные снятые им кадры вошли в “Шестую часть мира”, а впоследствии, в 1927 г., Елизаветой Свиловой, супругой Вертова, была смонтирована “этнографическая фильма” под названием “Тунгусы” продолжительностью чуть более 11 минут¹.

Ни в одной из исследовательских работ, посвященных фильму “Тунгусы”, не обсуждается сколько-нибудь подробно вопрос о том, где и как он снимался (Магидов 2008; Головнев 2019, 2021: 344–352). В статье С.В. Бураевой и С.А. Батурина утверждается, что съемки проходили в Бурят-Монгольской АССР (Бураева, Батурина 2017: 66), что, конечно, было бы очень значимо для различных исследований по эвенкам Прибайкалья и Забайкалья, но никаких доказательств авторы не приводят.

Возможно, в архивах Зотова и есть точное указание на то, где и с какой группой эвенков он проводил киносъемку, но нам об этом не известно – мы можем опираться лишь на косвенные данные. Интересно, что из заметки в газете “Кино” за 1926 г. (№ 7/127 от 16 февраля) про фильм “Госторг” (видимо, таковым было рабочее название “Шестой части мира”) в рубрике “Картины, которые нам готовят” мы узнаем о том, что “[к]омандированный в Сибирь кино-корреспондент Зотов снимает быт тунгусов и их охотничьи промыслы. Любопытно то, что свет позволяет снимать там только один час в день” (Кино 1926: 3). Возможно, данная газетная заметка основана на телефонограмме Зотова, адресованной руководителю проекта Вертову, как это было принято в те времена. Для Бурятии, соседнего Забайкальского края и Приамурья, где также живут эвенки, подобный короткий световой день в феврале не характерен.

Ответ на вопрос о месте съемки дает сама кинолента: на одном из кадров в эпизоде, когда охотники привозят сдавать пушнину в “ближайший государственный торговый пункт” (так гласят титры), читается часть вывески этого пункта: “... ФАКТОРИ... ТАИМБ...” (примерный таймкод: 9 мин 28 с – 9 мин 31 с). Это, видимо, фактория Таимба на р. Подкаменная Тунгуска. Впоследствии на ее месте возник одноименный поселок, который, ввиду отсутствия населения, не так давно был упразднен – в 2017 г. Для этого района (60°17' с.ш. 98°59' в.д.), находящегося примерно на одной широте с Якутском (62°01'), действительно характерен короткий световой день в феврале.

Фильм интересен как первая документальная лента о российских эвенках. Перед нами довольно полная кинофиксация их жилища (в том числе процесса возведения шалаша *джютэ*) и хозяйственных построек; мужской, женской и детской одежды; способов приготовления лепешек и чая; показаны охота и олени, которые используются при перекочевках; даны кинопортреты детей, мужчин и женщин, в том числе пожилых; из духовной культуры продемонстрирована лишь игра на хомусе. Лента свидетельствует о том, что приенисейские тунгусы в 1920-е годы полностью сохраняли свой традиционный образ жизни, но в ней зафиксирован и сдвиг в биографии народа: охотники всю пушнину, добытую в тайге, сдают уже государству, а не русским купцам и промышленникам с Ангары. Данный эпизод, без сомнения, был в техническом задании Зотова. Но Вертов его не использовал в “Шестой части мира”, так как, видимо, считал, что аналогичный фрагмент, если судить по одежде приехавших в “пункт государственной торговли”, снятый среди хантов, выглядит интереснее.

Впрочем, в одночасье невозможно было заменить сложившиеся взаимоотношения между тунгусами и русскими промышленниками, скупавшими раньше пушнину. Об этом узнаем из записок счетовода Сибстатуправления Н.В. Сушилиной (середина 1920-х годов), которые хранятся в Красноярском краевом краеведческом музее:

Встретившийся на фактории Таимба тунгус рассказал регистратору Сушилину, как ангарцы продали ему какой-то старый, сломанный барометр под видом прибора, якобы в промысле отыскивающего белку. Тунгус поверил им и, заплатив 24 белки, купил эту чепуховину. До осени он все восторгался своим приобретением: “Вот люча мудрёный, как не мудрёный, когда машинка строил, который сам белка показывает. И есть не просит, не то, что собакам, которых кормить надо. Вот диво, диво” (Власенко б.г.).

Похоже, русские продолжали торговать и обманывать доверчивых северных охотников, как они это делали и до установления советской власти.

Фильмы об Эвенкийском (автономном) национальном округе

В 1930 г. территория, где снимал Зотов, входит в новообразованный Эвенкийский национальный округ (с 7 октября 1977 г. – автономный округ). На рубеже 1930–1940-х годов о проживающих здесь эвенках создается две киноленты, имеющие уже студийную озвучку. Доводом в пользу того, что они снимались еще в предвоенное время, служит полное отсутствие упоминаний о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., хотя одна лента продолжительностью 11 мин 14 с, имеет название “Эвенкийский автономный округ (1940–1949 гг.)” (ЭАО 1940–1949).

В данной киноработе традиционная жизнь эвенков представлена в нескольких темах: охотничий промысел; *суглан* – встреча эвенков; вера в шаманов; жизнь в тайге с оленями. Тема охоты развивается в том же ключе, что и в фильме “Тунгусы”, только более подробно рассказывается, как эвенки сдают пушнину и какое разнообразие товаров, в том числе современную городскую одежду, они за нее получают. Весьма показательна тема *суглана*, который, с одной стороны, внешне напоминает партийное собрание, так как в нем участвует приехавший из Ленинграда эвенк Комбойко, а с другой – традиционно сопровождается песнями и танцами, в частности совместным круговым танцем *Ехорьё*. В фильме есть и шаманское камлание. При внимательном рассмотрении появляется предположение, что камлание имеет постановочный характер. Но самое главное, оно представлено в ироническом ключе: мы видим шамана с бубном, его помощника, присутствующих, голос за кадром комментирует их действия, но делает это как бы насмехаясь над происходящим.

В непродолжительном эпизоде этого фильма запечатлено, как подростки покидают стоянку верхом на оленях, отправляясь в школу, старшие родственники и дошколята весело прощаются с ними; сцена, в частности, свидетельствует о том, что эвенки живут в тайге, кочуя по ней со своими оленями. Но главное, о чем рассказывает документальная лента, – о полной включенности эвенков в жизнь советского государства и о произошедших изменениях: участие в выборах депутатов Верховного Совета СССР; работа “Красного чума”, в котором эвенки читают газеты и журналы, играют в шашки и шахматы; учеба детей (показан урок географии) и новогодний праздник (с Дедом Морозом), судя по всему, в школе-интернате; сообщается, что эвенки уже перебираются из “дымных” чумов в “пахнущие свежим деревом” дома, и мы видим убранство дома, где теперь живут эвенки – кровать, стол и стулья, цветы в горшочках, этажерка с книгами. Отдельное значение имеет эпизод отдыха мужчин-эвенков после охоты в “Доме промышленников”, где у них есть возможность сходить в баню, послушать игру на баяне, почитать стенгазету и, видимо, даже подстричься – особенно символично последнее, так как парикмахер состригает эвенку-мужчине косичку². Напрямую о создании колхоза или совхоза не сообщается, но говорится, что отдыхает “бригада” охотников, т.е. они ведут совместную организованную охоту, объединены в промысловый коллектив.

Вторая документальная лента, которая мне известна лишь в отрывках (судя по всему, это хроника из какого-то киножурнала³), еще более категорична в своем порицании традиционной жизни эвенков: в одном из эпизодов показаны молодые эвенки, студенты Института народов Севера (Ленинград), которые рассматривают в музее (Кунсткамера?) экспозицию с чумами, а закадровый голос сообщает, что “далекое прошлое эвенков стало достоянием музеев, мудрая сталинская национальная политика возродила эвенкийский народ к новой жизни”. В этой же киноленте показан роддом с “маленькими гражданами Советской Эвенкии”.

Центральный эпизод фильма – охота на пушного зверя и сдача добытых шкурок на фактории. Он настолько важен для авторов, – так как демонстрирует включенность эвенков в социалистическое строительство – что закадровый комментатор, поясняя то, что видит зритель, даже переходит с прозы на стихотворный текст:

[В] Месяц раз или два приезжают сюда следопыты,
Коренастые эвенки, люди далеких хребтов.
Турсуки их полны, турсуки до отказа набиты
Драгоценной пушшиною, золотом мягких мехов.

И в завершении эпизода и, видимо, всей кинохроники:

Вот оно мягкое золото, пушное богатство эвенкийской тайги.
Только тронешь, и вспыхнут волшебные яркие искры –
Голубеют песцы, отливают луной соболя.
Все богатства тайги, все богатства тайги эвенкийской
Мы тебе посылаем, родная большая земля!

Последние слова звучат под кадры, когда мешки с пушниной грузят на самолет с надписью “СССР”.

Известен еще один фильм, посвященный Эвенкийскому национальному округу – “В тайге у эвенков”. Авторы С. Рапопорт (режиссер) и В. Придорогин (оператор) (В тайге... 1946). В нем также показан традиционный быт эвенков: оленеводство; ловля рыбы; охота на пушного зверя, шкурки которого сдаются в приемные пункты; но главное их новые занятия – работа в типографии, на метео- и радиостанции, уроки в школе-интернате, медицинское обслуживание

в поликлинике и в больнице, отдых в Красном уголке. Год создания – 1946, но, скорее всего, сами съемки были сделаны намного раньше.

В отличие от киноработы Зотова и Свиловой “Тунгусы”, которая действительно относится к жанру документального кино, большинство эпизодов этих трех фильмов имеют постановочный характер. Особенно хорошо это видно, когда зрителю демонстрируется “дом”, где теперь “живет” семья эвенков: пожилой мужчина, молодой мужчина и ребенок находятся за столом, молодая женщина, вероятно, изображающая жену, сидит на лавочке и что-то шьет. Можно заметить, как ветер сильно колышет скатерть на столе, и это говорит о том, что, скорее всего, эпизод снимался не в помещении, а на открытом воздухе в специально выстроенных декорациях. В меньшей степени, наверное, постановочность касается ситуаций с детьми: отъезд в школу, уроки и, конечно, сцены в роддоме, в поликлинике и больнице.

В то же время утверждать, что в киноработах конца 1930-х – начала 1940-х годов нарисована только желаемая с точки зрения идеологии картина жизни эвенков, нельзя. Конечно, это был, если так можно выразиться, советский глянец, но все процессы, нашедшие отображение в кинолентах, происходили в реальности: перевод эвенков на оседлый образ жизни, организация колхозов, обучение детей в школах-интернатах, появление письменности, формирование национальной интеллигенции, более высокий, чем прежде, уровень медицинского обслуживания, работа с технологически сложным оборудованием и т.д.

Киножурналы конца 1930-х – начала 1940-х годов

Жанр киножурнала, зародившийся в России в первое десятилетие XX в., получил свое развитие в СССР в 1920-е годы, в частности благодаря тому же Вертову. Судя по описанию фрагментов его “Киноправды” (№ 19, 1924), которые хранятся в Красногорском государственном архиве кинофотодокументов (учетн. № 19), в ней зафиксировано следующее: “Тунгусы едут на нартах. Женщина-тунгуска у ступы” (РГФКФД). Цифровая копия этого номера киножурнала размещена в интернете на различных ресурсах, но в ней данный эпизод, как и ряд других, отсутствует.

В объектив авторов довоенных советских киножурналов эвенки чаще всего попадали в конце 1930-х – начале 1940-х годов. К примеру, из “Союзкиножурнала” зрители могли узнать об обучении эвенков в совпартшколе г. Олекминска в Якутии (№ 12, 1937), об учебе детей эвенков в школе-семилетке на Дальнем Востоке (№ 22, 1938), о проведении партторгом политической беседы среди эвенков колхоза “Рассамага” в Новосибирской обл. (№ 81, 1940), а из киножурнала “СССР на экране” – о ликвидации безграмотности среди взрослых эвенков и игре детей в охоту на медведя (№ 5, 1937), о чтении лекций эвенкам на стойбище и изучении ими политической карты мира (№ 10, 1940), о поездках на оленьих упряжках в таежные эвенкийские стойбища Красноярского края культбригады, привозившей газеты и радио (№ 3, 1940) (Там же). Как видим, почти все эпизоды киножурналов сосредоточены на показе идеологической включенности эвенков в новую жизнь, что в целом соответствовало пропагандистской сути этого жанра советской кинодокументалистики.

“Эвенкийская весна”

О документальных кинолентах 1950–1960-х годов, посвященных исключительно эвенкам, мне не известно. В 1970-е – начале 1980-х годов появляются фильмы о строительстве Байкало-Амурской магистрали, которая прошла по территориям

традиционного проживания эвенков в Бурятии, Читинской и Амурской областях. В некоторые фильмы включены эпизоды и сцены с эвенками: “Как там, на БАМе?” (1975), “Долина” (1985) и др. Здесь я остановлюсь на двух киноработах: “Эвенкийская весна” (1983) и “Юктэ – источник” (1989). Первая посвящена эвенкам Приамурья, вторая – эвенкам, проживающим в Красноярском крае, в зоне, близкой к затоплению в связи со строительством Богучанской ГРЭС.

Название фильма “Эвенкийская весна” (1983) говорит само за себя. Оно настраивает на оптимистическое восприятие киноматериала. В работе над ним приняла участие Р.П. Зверева, социолог, научный сотрудник Института истории, философии и филологии СО АН СССР. Но Римма Петровна была не просто научным консультантом, а фактически героем и одним из авторов киноленты: она читает закадровый текст и периодически появляется в различных эпизодах (ЭВ 1983).

Первые кадры фильма – распускающийся цветок и ледоход на реке – сопровождают звук взрыва и крик пролетающих журавлей. Они указывают на основную тему, которой посвящен документальный фильм: природа и человек с его современными технологиями освоения ресурсов. Уже с первых слов Зверевой зритель понимает, что в концепции фильма, несмотря на все изменения, которые произошли в жизни таежного народа с приходом советской власти, эвенки по-прежнему дети природы. Говоря о трансформации традиционного уклада, Римма Петровна констатирует: в жизни эвенков утвердились все те преобразования, о которых мечтали авторы фильмов рубежа 1930-х – 1940-х годов: оседлый образ жизни, всеобщая грамотность, национальная интеллигенция, колхозы и совхозы, обучение детей в интернатах...

Как мы понимаем из фильма, Зверева проводила исследования среди эвенкийских детей пос. Усть-Нюкжа Амурской области с использованием проективного рисуночного метода: просила их делать рисунки на определенные темы, которые затем анализировала. И именно дети становятся главными представителями народа, с ними больше всего различных сцен: мы их видим на берегу реки, на полянке с рисунками, в различных ситуациях с оленями и др.

Пришедший в амурскую тайгу БАМ стал “новой строкой” в судьбе народа. Авторы фильма дают слово одному из местных жителей – Михаилу Полякову, выросшему рядом с эвенками. Он говорит, что, конечно, БАМ принес местному населению квалифицированную медицинскую помощь, улучшил транспортное сообщение, но стройка уничтожает тайгу, ведет к пожарам, захламлению территорий, исчезновению зверя и рыбы. Показателен монтаж кадров после монолога лесника: рабочие бьют по рельсе, устанавливая ее, и после каждого удара меняется кадр так, что создается впечатление, будто бы они бьют по эвенкийским детям, по тайге, по ее хозяину медведю... Слова самим эвенкам не дается, об их тревогах сообщает Зверева: “Что будет с его землей, со зверем, рыбой, которые уйдут из этих мест, что будет с оленем, которого надо будет пасти и в XXI веке (курсив мой. – В.К.), что будет с его сыном, будет ли он наследовать дело отцов или уйдет в город?”

Чтобы у зрителя не было сомнений относительно метода, который использует Зверева, авторы фильма дали слово академику АМН СССР В.П. Казначееву: он высказывается о значимости детских рисунков для науки. Исследовательница кратко сообщила о следующих итогах своей работы по “парному рисунку”: эвенкийские дети рисовали самое красивое и самое некрасивое. Самое красивое, по их мнению, мама, тайга, олень, самое некрасивое – война, браконьер, водка. Зверева предлагает задуматься об этом. На рисунках эвенкийских детей отражена окружающая их реальность, в том числе и железная дорога, железнодорожные мосты через реки. Показывая их зрителю, исследовательница сообщает за кадром, что “из рисунков видно, к чему тянется детская душа”, и затем переходит к теме БАМа, сообщая бодрым голосом, что он “пришел как весна, принес много нового и породил массу проблем”.

В завершающих эпизодах фильма авторы говорят про свою мечту о гармонии между техническим прогрессом и историческим опытом коренного населения, провозглашают веру в светлое будущее эвенков, которое наступит, если из эвенкийских детей воспитать заботливых хозяев тайги и подготовить из них специалистов по охране природы. Как конкретно это сделать, об этом речи нет, звучит лишь декларация: это государственная задача.

Не прошло и десяти лет, государство, к которому адресовали свой посыл авторы фильма, перестало существовать. С позиции сегодняшнего дня кинолента представляется несколько наивной, но важно, что в ней сделана попытка вербализации проблем и поиска выхода из сложнейшей ситуации; авторы даже предложили определенное решение. Следует заметить, что в целом, несмотря на свою наивность, их предложение о подготовке из эвенков специалистов по охране природы, по сути, весьма разумно и не потеряло актуальности до сих пор. Кому как не эвенкам с их традиционными навыками природопользования профессионально радеть об экологии своего края!

“Юктэ – источник”

Режиссер фильма “Юктэ – источник” И.Б. Зайцева. Эта лента 1989 г. – первая авторская работа Ирины Борисовны, в настоящее время директора и продюсера красноярской киностудии АРС. Консультантом выступил эвенкийский писатель и поэт А.Н. Немтушкин, и это, без сомнения, сыграло большую роль в восприятии автором ленты эвенкийской темы.

Фильм начинается кадрами с текущей водой (в стиле А. Тарковского), которые сопровождаются эвенкийской песней. Это создает ощущение тревожности. Название киноленты и ее начало, казалось бы, указывают на то, что фильм посвящен только эвенкам, но совершенно неожиданно эвенкийская тематика обрывается, и зритель видит баржу на реке, будни матросов-речников и отдающего команды капитана на мостике. Потом эта сцена так же неожиданно обрывается, и авторы возвращают зрителя к эвенкийскому герою (ЮИ 1989).

Фактически в киноленте три различных “фильма”, сюжетно никак не связанных друг с другом. Единственное, что их объединяет, – пространство: действие происходит в низовьях Ангары. Два “фильма” о русских: первый – о рабочих буднях речного флота, второй – о русской приангарской деревне. Героями третьего “фильма” стали эвенки. Зайцева перемешала сюжеты; каждый фрагмент начинается и заканчивается неожиданно. Схематично это выглядит следующим образом: эвенкийская экспозиция / речной флот / эвенки / русская деревня / эвенки / русская деревня / речной флот / эвенкийский финал. Эвенкийская часть, конечно, самая значимая, с нее все начинается и ею заканчивается, “закольцованность” (и в начале, и в финале звучит одна песня) лишь это подчеркивает.

В сюжетном отношении на “русских фильмах” останавливаться подробно нет необходимости. Если кратко, то в киноэскизе про матросов-речников, помимо сцен, показывающих их работу, есть эпизод с капитаном, который говорит о своей тоске, испытываемой ранней весной, когда после зимовки его неодолимо тянет на реку, на свой корабль. В “фильме” о русской приангарской деревне показана последняя встреча жителей со своей малой родиной, которую они теряют: они навсегда прощаются со своими домами и родными местами перед переселением, так как древня будет затоплена – скоро должен произойти пуск Богучанской ГЭС (съемка была сделана в с. Заимка Кежемского р-на Красноярского края во время празднования 270-летия села)⁴.

Эвенкийская часть фильма построена на двух интервью. Перед камерой мужчины-эвенки среднего и пожилого возраста. Все эпизоды из жизни их боль-

шой семьи – олени, перекочевка, чум, предметы быта – фон для этих интервью. В кадрах мы не видим ничего из того, что принесла эвенкам советская власть, но об этом рассказывают герои киноленты: в 1937–1938 гг. эвенки подверглись репрессиям, арестовывали безграмотных таежников, которые и по-русски то не разговаривали, но им вменяли вредительство и сопротивление властям; работа в колхозах за трудодни была настоящей каторгой; оленеводство велось на примитивном уровне, так как наука не помогала его развитию; молодые эвенки, которые учились в школах-интернатах, не имели возможности узнать тайгу... Пронзительно остро переживается зрителями зафиксированная документальными ситуация, когда взрослые пытаются при отсутствии нормальной связи вызвать по старой рации на стойбище к больному эвенкийскому мальчику врача. Этот эпизод, вроде бы говорящий о возможностях медицинской помощи эвенкам в тайге, на самом деле подчеркивает распад традиционного образа жизни: в прежние времена к ребенку пригласили бы шамана.

В общем контексте фильма особое значение приобретает анекдот, рассказанный пожилым эвенком: как-то эвенк, юрак⁵ и русский пошли на охоту; эвенк добыл сохатого, юрак бежал за ним быстро и принес котелок, они поели; а русский двигался медленно и, когда пришел на стоянку, эвенк и юрак уже все съели, и нужно было отправляться дальше. Так русский и остался ни с чем, голодный и уставший. Когда мы видим в фильме, как гибнут попавшие под затопление русские села Приангарья, эвенкийский анекдот звучит трагическим предсказанием их судьбы. Русские пришли в эвенкийскую тайгу в XVII в., и вот они “уходят”, так как их жизнь разрушили их же собственные технологии.

Если фильм начинался журчащим весенним ручьем, то заканчивается он зимней картиной: олени добывают из-под снега ягель, крупным планом дается лицо пожилой эвенкийской женщины, а голос за кадром пересказывает легенду о Каине и Авеле. Эвенки при советской власти пережили репрессии, коллективизацию, насильственное и, как оказалось, разрушающее их традиционный образ жизни обучение детей в школах-интернатах. Образы зимы и пожилой женщины в финале, сопровождающиеся эвенкийской песней, исполняемой с явным русским акцентом, – символы смерти народа, конца его биографии.

* * *

В рассматриваемый период документальных съемок среди эвенков было намного больше, чем представлено в предлагаемой статье. Возможно, еще не все они выявлены в киноархивах, особенно это касается периода 1920–1940-х годов. В известных мне фильмах, которые здесь не упоминаются, эвенки показаны в различных эпизодах, фиксирующих отдельные стороны их жизни, но авторы картин не делают попыток осмысления отснятого. В отличие от таких киноработ, привлекаемые мной документальные ленты позволяют адекватно воссоздать биографию эвенкийского народа в советское время, пусть и пунктирно, но все же проследить процессы, происходившие во всех территориальных группах эвенков, разбросанных по тайге от Енисея до Сахалина.

С 1920-х годов, когда эвенки еще сохраняли традиционный образ жизни, формировавшийся с XVII в. после приведения “под руку белого царя”, началось их включение в “социалистическую семью” народов, но первоначально только экономически. В 1930-е годы на эвенков распространились уже все идеологические и социальные преобразования, которые затронули народы СССР: становление национальной интеллигенции и номенклатурной элиты, репрессии, разрушение традиционных верований, коллективизация со всеми ее отрицательными последствиями, насильственный перевод на оседлый образ жизни.

ни. Особое влияние, как и в случае других кочевых народов, оказала система школьного образования – обучение детей в школах-интернатах. Не все изменения имели негативные последствия; повышение образовательного уровня и доступ к более качественной, чем прежде, медицине, без сомнения, необходимо расценивать как положительные моменты в жизни эвенков.

В рассматриваемых документальных кинолентах совсем не затрагивается тема участия эвенков в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., в восстановлении страны в послевоенный период. Этот “пробел”, возможно, связан с тем, что с 1940-х по начало 1970-х годов эвенкийская тематика особо не интересовала советскую кинодокументалистику. Вновь внимание на эвенков было обращено лишь в конце 1970-х годов в связи с масштабными хозяйственно-экономическими проектами, реализовывавшимися на традиционных территориях проживания этого народа, и прежде всего со строительством Байкало-Амурской магистрали. Фактически в документальном кино произошло новое “открытие” эвенков, а с ним и тех проблем, которые накопились в советское время, и тех, которые начали возникать в их жизни при освоении природных ресурсов Восточной Сибири и Приамурья в 1970–1980-е годы.

С 1980-х годов в советском документальном кино, которое стало осваивать методологию визуальной антропологии, появилась тенденция к показу архаики в жизни эвенков и других коренных народов Сибири. Этому посвящен фильм Э.Е. Алексеева, Е.С. Новик и А. Слапиньша “Времена сновидений” (1982) о шаманских традициях чукчей, якутов, ульчей, удэгейцев и, конечно, эвенков. Авторам этой замечательной киноленты удалось зафиксировать камлание удаганки Матрены Петровны Кульбертиновой, возраст которой приближался к 100 годам. Фактически они доказали, что, несмотря на все изменения советского периода, шаманские практики у эвенков, как и у других коренных народов Сибири, в условиях традиционного образа жизни продолжают сохраняться.

В ранних киноработах основное внимание было сосредоточено на изменениях, происходивших в жизни народа под влиянием политического и социального развития общества, и эти изменения подавались, в силу идеологических причин, как исключительно позитивные. С конца 1980-х годов, в период так наз. перестройки, когда уже активно шло масштабное хозяйственно-экономическое освоение традиционных эвенкийских территорий, стал осмысляться негативный характер трансформаций, разрушающих традиционную культуру и образ жизни народа.

С 1990-х годов в связи с технологической революцией в кинопроизводстве и появлением доступных для массового пользователя видеокамер количество документальных лент, посвященных эвенкам, значительно увеличилось. В настоящее время автором съемок может стать буквально каждый, имеющий смартфон. Площадкой для показа видео стали социальные сети и другие информационные ресурсы. Выявление и анализ таких работ – это совершенно особая задача.

Мои собственные полевые исследования в 1994 и 2021 гг. в Баунтовском р-не Бурятии, в 1993 г. в Каларском и Тунгиро-Олекминском районах Читинской обл., в 2004 г. в Курумканском р-не Бурятии, в 2010 г. в Северо-Байкальском р-не Бурятии и в 2023 г. в Нерчинском р-не Забайкальского края, хотя целью полевой работы было прежде всего изучение состояния фольклорной традиции эвенков, позволяют сделать определенные выводы и относительно характера социально-экономического положения народа в этих регионах. Я стремился выявить и зафиксировать архаику в жизни современных эвенков Прибайкалья и Забайкалья, и определенными итогами этой работы стали документальный фильм “Сказка бабушки Агафьи” (2006) (СБА 2006) и киноэтнод об изготовлении музыкального инструмента “Кордавун из Курумканской тайги” (2005) (КИТ 2005).

Относительно же этнокультурного и хозяйственно-экономического положения эвенков в этих регионах можно сказать, что процесс разрушения их тради-

ционного образа жизни достиг критической точки. Об исчезновении оленей у нерчинских тунгусов писал С.М. Широкогоров еще в начале XX в.: “Во время последних эпизоотий олени стада нерчинских тунгусов сократились настолько, что многие из них вовсе прекратили заниматься оленеводством и поселились среди бурят и русских” (Широкогоров 2017: 111). Фактически они сегодня полностью ассимилированы русскими и бурятами и лишь сохраняют в своей устной истории память о том, что их предки были тунгусами/ороченами.

Эвенки Северного Прибайкалья и Чарской долины, орочены Баунта основное поголовье своих оленьих стад потеряли после развала СССР в 1990-е годы, и сейчас оленеводство у них в плачевном состоянии. Они продолжают заниматься и охотничьим промыслом, но ужесточения в законодательстве и регламентировании этой сферы хозяйства на региональном уровне способствуют развитию среди эвенков незаконной охоты.

Мечты советского времени, высказанные, в частности, в фильме “Эвенкийская весна”, о том, что БАМ принесет эвенкам, по территориям которых он прошел, благополучие и процветание, не оправдались совсем, но подтвердилась высказываемая ими тревога о негативном влиянии магистрали на окружающую среду. Разработка природных ресурсов в Баунтовском р-не Бурятии (добыча золота, урана, нефрита) приводит к таким же результатам.

Школьное образование в интернатах поспособствовало фактически полной потере эвенками Прибайкалья и Забайкалья родного языка. Для меня, как для фольклориста, устная традиция эвенков – прекрасный пример того, что отдельные жанровые формы их фольклора продолжают бытовать и на чужом для их традиции языке, но языковая ассимиляция народа, начавшаяся в XX в., о чем косвенно свидетельствуют документальная кинолента Зайцевой “Юктэ – источник” и мой видеофильм “Сказка бабушки Агафьи”, практически завершена, и свою биографию в XXI столетии эвенки смогут писать, видимо, уже только на русском языке.

Примечания

¹ Примерно с конца 1990-х годов одна из копий фильма, хранящаяся, видимо, в Красноярском архиве, стала доступна благодаря В.В. Магидову и Е.В. Александрову. Ее длительность 6 мин 20 с. Более полная версия размещена в настоящее время на канале “Центр визуальной антропологии ИЭА РАН” на YouTube (Тунгусы 1927).

² Символично в том отношении, что в фильме Зотова и Свиловой “Тунгусы” 1927 г. мы видим молодого тунгуса с традиционной косичкой.

³ Фрагменты этой киноленты использованы авторами фильма “Эвенки” (1999) из документального сериала “Народы России” телекомпании ТВЦ.

⁴ Как известно, основная масса жителей затопляемых деревень Нижнего Приангарья была выселена в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

⁵ Юраками эвенки, видимо, называли представителей самодийского населения (см.: Квашнин 2021; см. также подборку эвенкийских мифологических рассказов о юраках в сборнике: Новик 2006).

Источники и материалы

Власенко б.г. – Власенко Т.А. Как Эвенкию переписывали, и что в ней видели // Сайт Архивного агентства Красноярского края. http://красноярские-архивы.рф/articles/stati_arhivistov/907?ysclid=lib39obje675050804 (дата обращения: 15.06.2023).

В тайге... 1946 – “В тайге у эвенков”. Фильм // <https://gosfilmofond.ru/films/248038> (дата обращения 15.06.2023).

Кино 1926 – Кино. Еженедельная газета. 16 февраля 1926 г. № 7 (127).

- КИТ 2005 – “Кордаун из Курумканской тайги”. Киноэтнод // <https://rutube.ru/video/968ab23db3ed9c2900a31c65cf4ba1c9/?playlist=95794>
- РГФКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов. Электронный каталог кино и видеодокументов. <http://old.rgakfd.ru/catalog/new> (дата обращения: 15.06.2023).
- СБА 2006 – “Сказка бабушки Агафьи”. Фильм // <https://rutube.ru/video/5d21d36fe7808a56ce31a9fc8bfb8266/?playlist=95794>
- Тунгусы 1927 – “Тунгусы”. Фильм. // <https://www.youtube.com/watch?v=210a5BNFwOE&t=8s>
- ЭАО 1940–1949 – “Эвенкийский автономный округ (1940–1949 гг.)”. Фильм // <https://www.net-film.ru/film-38995/?search=ээвенки>
- ЭВ 1983 – “Эвенкийская весна”. Фильм // <https://www.net-film.ru/film-39179/?search=ээвенкийская%20весна>
- ЮИ 1989 – “Юктэ – источник” Фильм // <https://www.net-film.ru/film-62/?search=эюктэ>

Научная литература

- Бураева С.В., Батуринов С.А. Бурятия в пространстве документального советского кино (1923–1941 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 4. С. 62–71.
- Головнев И.А. Традиционные этнокультурные сообщества в этнографическом кино: “Тунгусы” Елизаветы Свиловой // Известия Иркутского государственного университета. Серия, Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 27. С. 86–96.
- Головнев И.А. Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920-х – 1930-х гг.). СПб.: МАЭ РАН, 2021.
- Квашин Ю.Н. Самоеды-юраки: проблемы этнической идентификации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 250–266.
- Магидов В.М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005.
- Магидов В.М. Киноатлас СССР: история создания серии фильмов по визуальной антропологии // Аудиовизуальная антропология. История с продолжением / Сост. Е.Д. Андреева, Ю.Б. Виниченко, И.В. Кондаков. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, 2008. С. 136–141.
- Новик Е.С. (сост.) Мифологическая проза малых народов Сибири и Дальнего Востока // Ruthenia. Объединенное гуманитарное изд-во. 2006. <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/index.htm>
- Широкогоров С.М. Социальная организация северных тунгусов. М.: Восточная литература, 2017.

Research Article

Klyaus, V.L. Evenks in Documentary Films of the 1920s–1980s: Soviet Biography of a Nation [Evenki v dokumental'nom kino 1920–1980-kh godov: sovetskaia biografiia naroda]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 99–110. <https://doi.org/10.31857/S086954152305007X> EDN: YECGUS ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Vladimir Klyaus | <https://orcid.org/0000-0002-8147-3090> | v.klyaus@mail.ru | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia) | A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Povarskaya St. 25a, 121069, Moscow, Russia)

Keywords

Evenks, documentary, biography of nation, cinema anthropology, transformation of traditional way of life

Abstract

The article discusses documentary films about the Evenks, created in the 1920s–1980s: “Tungus”, “Evenk Autonomous Okrug”, “Evenk Spring”, “Yukta – the Source”, and others. These films fully reflect the biography of the Evenk people, changes in their economic, social, and cultural spheres that entered their lives from the early years of Soviet power. The documentary films allow us to trace the stages of these changes and the evolution of society’s attitude towards them. In addition, the article contains the author’s conclusions regarding the nature of the socio-economic situation of the Evenk people in the areas where he conducted fieldwork in 1994–2021.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 21-18-00495]

References

- Buraeva, C.V., and S.A. Baturin. 2017. Buriatiia v prostranstve dokumental’nogo sovetskogo kino (1923–1941 gg.) [Buryatia in the Space of Soviet Documentary Cinema (1923–1941)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul’tury* 4: 62–71.
- Golovnev, I.A. 2019. Traditsionnye etnokul’turnye soobshchestva v etnograficheskom kino: “Tungusy” Elizavety Svilovoi [Traditional Ethnocultural Communities in Ethnographic Film: “Tungus” by Elizaveta Svilova]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii, Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* 27: 86–96.
- Golovnev, I.A. 2021. *Vizualizatsiia etnichnosti v sovetskom kino (opyty uchenykh i kinematografistov 1920-kh – 1930-kh gg.)* [Visualization of Ethnicity in Soviet Cinema (Experiments of Scholars and Filmmakers in the 1920s–1930s)]. St. Petersburg: MAE RAN, 2021.
- Kvashnin, Y.N. 2021. Samoedy-yuraki: problemy etnicheskoi identifikatsii [Samoed-Yuraks: Problems of Ethnic Identification]. *Arktika i Sever* 44: 250–266.
- Magidov, V.M. 2005. *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniia* [Cinematographic and Photographic Documents in the Context of Historical Knowledge]. Moscow: RGGU.
- Magidov, V.M. 2008. Kinoatlas SSSR: istoriia sozdaniia serii fil’mov po vizual’noi antropologii [Film Atlas of the USSR: The History of Creating a Series of Films on Visual Anthropology]. In *Audiovizual’naia antropologiya. Istoriia s prodolzheniem* [Audiovisual Anthropology: History with Continuation], edited by E.D. Andreeva, Y.B. Vinichenko, and I.V. Kondakov, 136–141. Moscow: Rossiiskii NII kul’turnogo i prirodnogo naslediia im. D.S. Likhacheva.
- Novik, E.S., ed. 2006. *Mifologicheskaiia proza malykh narodov Sibiri i Dal’nego Vostoka* [Mythological Prose of Indigenous People of Siberia and the Far East]. *Rutenia. Ob’edinennoe gumanitarnoe izdatel’sтво*. <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/index.htm>
- Shirokogorov, S.M. 2017. *Sotsial’naia organizatsiia severnykh tungusov* [Social Organization of the Northern Tungus]. Moscow: Vostochnaia literatura.